

НЕДОСТРОЕННЫЙ «МЕМОРИАЛ»

Кирилл Бенедиктов

Последние более-менее успешные попытки государства формировать историческую политику относятся к расцвету советской системы образования. Однако уже в начале 80-х годов прошлого века «блеск и нищета» официальной исторической мифологии стали очевидны: слишком велики были масштабы замалчивания тех фактов, которые не вписывались в схему официальной политики памяти. Черные дыры официальной историографии СССР зияли так страшно, что на роль сплачивающей общество идеологии она не годилась. Очевидно, что маятник рано или поздно должен был качнуться в другую сторону. Что и произошло в 1987 году.

Дети гласности

Именно в 1987 году **Михаил Горбачев** «запустил» кампанию гласности — значительного смягчения цензурных ограничений на публикацию материалов, прежде всего, исторического характера. Главным

Первоначальная задача общества, сформулированная **Вячеславом Игруновым**, заключалась в строительстве в центре Москвы огромного мемориального комплекса. Он должен был включать в себя общедоступные музей, архив, библиотеку, где будут собраны свидетельства эпохи репрессий. Под петицией в адрес XIX партконференции, в которой говорилось о необходимости создания такого комплекса, было собрано более 50 тысяч подписей. Однако довольно скоро идея создания собственно мемориала отступила на задний план.

Активисты и идеологи движения (Ю. Самодуров, Ю. Скубко, О. Орлов, Л. Пономарев и другие) стали задумываться над тем, можно ли доверить дело восстановления исторической памяти народу государству, *«которое в течение всего своего существования только и делало, что лгало о настоящем и фальсифицировало прошлое»*? К тому же, как вспоминает теперь Вячеслав

неформальные кружки, возникла новая амбициозная задача — сформировать национальную политику памяти, которая способствовала бы «выздоровлению» пораженного опасным вирусом организма.

«Может быть, буквально в такой формулировке задача формирования национальной политики памяти не ставилась. Но, конечно, она подразумевалась, я думаю, что де-факто можно так ставить вопрос, несомненно», — говорит член совета НИПЦ «Мемориал» историк Ярослав Леонтьев.

Войны памяти

Первым направлением деятельности «Мемориала» стала историко-просветительская работа. Изучение архивов, организация общедоступных библиотек, музеев, выставок, проведение собственных исторических исследований. «Делать все, чтобы собранная нами информация не осталась мертвым грузом, чтобы память о терроре стала частью общественного сознания», — говорится на сайте «Мемориала».

Однако с самых первых этапов существования «Мемориала» дали о себе знать внутренние разногласия между различными «крыльями» этой организации. *«Был очень сильный конфликт внутри «Мемориала», когда умеренные говорили: мы занимаемся только сталинскими репрессиями, от 35-го года по 53-й, а вообще больше ничем не занимаемся, никаких там пересмотров революций, а уж тем более после 53-го года, — вспоминает Вячеслав Игрунов. — Это были умеренные, среди них были известные люди — писатель Анатолий Рыбаков, журналист Юрий Щекочихин, Михаил Шатров, драматург. Ну и были радикально настроенные люди, которые говорили, что сталинские репрессии есть лишь продолжение того, что началось во время Октябрьской революции, что ленинские репрессии были основой сталинских*

«Мемориалу» не удалось стать организацией, формирующей историческую память России. Сейчас он даже не может претендовать на статус организации, влияющей на формирование исторической памяти

объектом этих материалов становились репрессии тридцатых годов.

Прорыв огромного массива ранее скрывавшейся информации вызвал к жизни небывалый интерес к отечественной истории. Многочисленные общественные организации, возникавшие на волне демократизации и гласности, ставили своей целью переосмысление исторического опыта страны. На основе одной из таких организаций — историко-просветительской секции клуба «Демократическая перестройка» — возникло впоследствии общество «**Мемориал**».

Игрунов, *«речь шла о том, что наше общество само в значительной степени является источником тех трагедий, которые происходили на протяжении советской истории, поскольку совершенно очевидно, что никакая маленькая группа узурпаторов не могла навязать многомиллионной стране свою волю. И это означает, что выздоровление, уход из как бы мира насилия, мира ненависти, мира террора будет очень долгим и мучительным»*.

Этот момент стал переломным для «Мемориала». Перед обществом, которое в описываемый период постоянно расширялось, втягивая в свою орбиту многочисленные

репрессий и что весь государственный механизм, который работал таким образом, складывался из массового движения, которое возникло в годы революции, Гражданской войны, и изучение этого периода является очень важным. Для радикалов, естественно, скажем, герои Белого сопротивления были такими же естественными объектами для изучения, как и герои-революционеры. А для умеренных все, кто сопротивлялся советской власти, были врагами, и, с их точки зрения, репрессии против них были оправданными».

В этом конфликте победили радикалы. Один из инициаторов движения, **Юрий Самодуров**, в знак протеста даже покинул учредительный съезд «Мемориала». Однако впоследствии радикально настроенные активисты, по выражению Вячеслава Игрунова, «практически все куда-то выветрились». «Мемориал» сосредоточился на изучении сталинских репрессий. Влияние радикалов сохранилось тем не менее в **Правозащитном центре**, который постепенно стал одним из главных институтов общества.

«Если говорить о задаче «Мемориала» в целом, все-таки неизменно такая триада оставалась: с одной стороны, работа над формированием исторической памяти, с другой стороны, помощь конкретным жертвам репрессий и их детям (вполне правозащитные составляющие) и, наконец, с третьей стороны, если говорить о триаде, то вообще мониторинг ситуации с правами человека, которые, в общем, рассматриваются даже не только с точки зрения сиюминутных обстоятельств, но и в исторической ретроспективе», — свидетельствует Ярослав Леонтьев. Правозащитной тематике уделяли повышенное внимание такие лидеры «Мемориала», как Сергей Ковалев и **Арсений Рогинский**, которые имели в своем багаже диссидентство и тюремные сроки, и Александр Даниэль.

Описываемый период — **время расцвета «Мемориала»**. По всей стране множатся отделения общества, проводятся конференции, выпускаются печатные издания. Активисты «Мемориала» — частые гости на теле- и радиоканалах, иде-

ологи движения становятся властителями дум по крайней мере части еще советской интеллигенции.

Парадоксальным образом падение коммунистического режима и исчезновение страны, историческую память которой пытались сформировать «мемориальцы», привело к исчезновению социальной базы самого «Мемориала». Жгучий интерес к отечественной истории сменяется в какой-то момент начала 90-х абсолютным равнодушием. «Публика как-то сразу потеряла интерес к «мемориальной» тематике, и дискуссии о прошлом сменились жгучим интересом к текущей политике», — с сожалением констатируют историки движения.

В 90-х «Мемориал» перестал

в докладе о военных действиях между Грузией и Южной Осетией зимой 1991 года деликатно «опущены» такие преступления грузинской стороны, как гибель десятков стариков и детей в Цхинвале в результате «энергетической блокады» со стороны Тбилиси.

Неоднозначная деятельность некоторых лидеров «Мемориала», в том числе правозащитника **Сергея Ковалева**, во время первой чеченской кампании привела к тому, что моральный авторитет общества подвергся определенной девальвации. Не добавили популярности «Мемориалу» и конфликты с другими организациями, которые общественное мнение было склонно рассматривать как союзников «Мемориала». Например, с **Обще-**

Поверженный враг раннего «Мемориала»

сть массовой организацией, региональные отделения тихо исчезали. Наиболее активные участники движения уходили в «реальную политику», становились депутатами законодательных собраний разного уровня. Тем не менее продолжалась правозащитная деятельность «Мемориала». В фокусе внимания его активистов — проблемы беженцев из Чечни, трудовых мигрантов и т.д. Наблюдатели «Мемориала» работали в различных «горячих точках»: Карабахе, Баку, Южной Осетии, Приднестровье, Таджикистане и т.д. Анализ их докладов показывает, что правозащитники «Мемориала» пытались, насколько возможно, быть объективными в оценке ситуации, хотя это получалось у них и не всегда. Например,

ством жертв политических репрессий Антонова-Овсеевко. Конфликт между «Мемориалом» и жертвами репрессий, сам по себе достаточно анекдотичный, имел прямое отношение к теме формирования политики памяти. «Репрессированные, — вспоминает Вячеслав Игрунов, — прежде всего коммунисты, репрессированные в сталинское время, сохранили свои коммунистические убеждения, вышли оттуда и даже во времена формирования «Мемориала» сохраняли коммунистические убеждения. Главной целью «Мемориала» они считали не столько пересмотр истории, а следовательно, и пересмотр отношений к советскому коммунизму, сколько создание как бы ларька, куда бы приходила всевозможная помощь и где бы гуманитар-

ная помощь распределялась между пострадавшими жертвами репрессий».

В то же время, по мнению Ярослава Леонтьева, «замыкаться» на противоречиях между руководством «Мемориала» и Антоном Антоновым-Овсенко «неправильно». «Мемориал» всегда взаимодействовал с целым рядом других действительно родственных идеологически организаций — с «Обществом возвращения», где объединены бывшие узники колымских лагерей и которое возглавляет Семен Виленский, или с тем же «Горбачев-фондом», — говорит Леонтьев.

Действительно, «Мемориал» не одинок — помимо упомянутых организаций можно вспомнить Фонд Александра Яковлева, который вплоть до смерти своего основателя занимался историко-просветительской работой. Однако в настоящий момент влияние «Мемориала» несопоставимо с тем, которое он оказывал на формирование общественного мнения в конце 80-х

мирование такой политики зависит прежде всего от государства, от мощных структур. Есть институты истории, есть официальные учреждения, есть какие-то идеологи, которые работают в Кремле, и вот они-то и оказывают наибольшее влияние на изменение общественного сознания, потому что они являются заказчиками для основных каналов телевидения, а именно эти каналы и формируют общественное мнение. Формируются также определенные подходы в вузах страны, и здесь тоже «Мемориал» вряд ли может на что-то повлиять — например на то, как преподаватели учат своих студентов. Так что «Мемориал» не является достаточно влиятельной силой, и об этом можно только сожалеть».

Разумеется, изменилась историческая конъюнктура. Страна, сполна наглотавшись «свободы» и «демократии» в 90-х, стала равнодушна к проблеме исторической памяти вообще — и это один из тяжелейших уроков российского ли-

Ципко, «Россия, прежде всего, христианская страна, а в христианстве нет идеи коллективной ответственности. Поэтому, на мой взгляд, тут надо быть очень аккуратным. Я лично отстаиваю точку зрения, что нельзя переносить на нынешнее поколение ответственность за дела тех поколений, которые совершили ошибку. Когда мы говорим об истории СССР, об истории тоталитарного общества, то надо понимать, что люди действительно не были свободны в своем политическом выборе. Нельзя говорить об ответственности, если у людей нет свободы... Естественно, новые поколения должны переживать свою собственную национальную историю и ощущать ее беды, но взваливать на себя ответственность — это несправедливо».

Концепция коллективной ответственности за собственную историю, согласно которой нынешние школьники должны чувствовать себя прямыми наследниками «сталинских палачей», превращает выстраиваемую на ее основе «политику памяти» в инструмент не самоидентификации, а саморазрушения нации. При этом, с точки зрения «Мемориала», подобное «покаяние» не есть fait accompli, который можно записать себе в резерв и спокойно жить дальше. «Каждый народ должен вновь и вновь обращаться к своему прошлому, должен вновь и вновь, в каждом новом поколении, осмыслять и переосмыслять его, не отворачиваясь от горьких и страшных его страниц, должен развивать собственное прочтение истории. И отчетливо понимать при этом, что другие имеют право на иное, свое собственное ее прочтение». Понятно, что в таком случае нация обречена вжимать голову в плечи и каяться при каждом новом окрике близких и дальних соседей. Недавняя попытка Украины обвинить Россию в организации голодомора хорошо иллюстрирует этот сценарий.

Впрочем, ответ Дмитрия Медведева позволяет надеяться на то, что нация преодолела болезненный период «вечного покаяния» и намерена вернуть себе свою истинную историческую память. ■

Неоднозначная деятельность некоторых лидеров «Мемориала» во время первой чеченской кампании привела к тому, что моральный авторитет этого общества подвергся девальвации

годов. Претендовать на то, чтобы формировать историческую память народа, как делал это «Мемориал» двадцать лет назад, движение, конечно, не может.

«Увы, у «Мемориала» мало сил, наши общественные организации сегодня, к сожалению, не в состоянии сыграть такую роль и не в состоянии стать центром такой массовой работы», — констатирует Вячеслав Игрунов. В настоящее время у «Мемориала» практически нет собственных средств. Он существует на гранты и пожертвования, в основном зарубежные.

Смена вех

«Мемориалу» не удалось стать организацией, формирующей историческую память России. Сейчас он даже не может претендовать на статус организации, заметно влияющей на процесс формирования исторической памяти. Как считает Вячеслав Игрунов, «фор-

берального эксперимента. В конце концов, современная Россия нуждается в позитивном историческом мифе, а специфика деятельности «Мемориала» не позволяет его сформулировать.

Однако главная причина нынешней слабости «Мемориала» заключается, по-видимому, в другом. Идея покаяния, популярная в начале 1990-х, сменилась идеей «гражданской ответственности», которую, по мысли «мемориальцев», должен добровольно принимать на себя «каждый человек, чувствующий себя членом некоего исторически сложившегося сообщества, за деяния, совершаемые от имени этого сообщества». Фактически речь идет о видоизмененном принципе коллективной ответственности, который позволяет «назначать виновными» целые народы и как таковой часто служит оправданием внешней агрессии. По меткому замечанию политолога Александра